
АЛЕКСАНДР ЛАШМАНОВ
ИЩЕЙКА БЕЗ ПРОШЛОГО
СВИДЕТЕЛЬ
КНИГА ВТОРАЯ
16+

Александр Лашманов

Ищейка без прошлого. Свидетель

«Автор»
2026

Лашманов А.

Ищейка без прошлого. Свидетель / А. Лашманов — «Автор», 2026

После событий у Голубой ямы Ратмир Дроздов больше не может прятаться. Его лицо — в ориентировках, сам он — в розыске. В руках бывшего майора спецназа — документы, способные раскрыть преступную схему. В памяти — провалы, за которыми скрывается гибель его группы. След ведёт в Москву, а затем — к закрытому объекту, где хранится правда о предательстве. Но одних записей недостаточно. Нужен человек, который подтвердит их подлинность. Живой свидетель, которого похоронили по документам. Пока Ратмир ищет его, союзники попадают в плен, убежища становятся ловушками, а женщина, однажды отдавшая смертельный приказ, предлагает помощь. Чтобы добраться до истины, придётся довериться тем, кого нельзя простить, и рискнуть теми, кого он обещал защитить. С каждым шагом прошлое становится ближе. Всё труднее понять, почему в чужой лжи так много следов самого Ратмира. «Свидетель» — вторая книга серии «Ищейка без прошлого». На этот раз мало найти правду. Нужно сохранить в живых того, кто сможет её произнести.

© Лашманов А., 2026
© Автор, 2026

Александр Лашманов
Ищейка без прошлого. Свидетель

Пролог

Пролог. Белый шум

Отчёт заканчивался словом «нейтрализован». Сергей Викторович Зайцев прочёл его ещё раз и открыл приложенную видеозапись.

Из ливневого коллектора выбирался человек. Камера, укреплённая над разгрузочными воротами, видела его со спины. Мужчина долго лежал на бетоне, затем упёрся локтем и попробовал встать. Правая рука подломилась. Он сел, переждал боль и поднялся со второй попытки. Перед тем как скрыться за ограждением, повернул голову.

— Остановите, — сказал Зайцев.

Полковник Репин коснулся планшета. На неподвижном кадре лицо майора Дроздова больше походило на серое пятно.

Репин закрыл файл.

— Дата? — спросил Зайцев.

— Ночь на вторник. Позже подтвердили попытку связи с редакцией. Затем он, вероятно, вернулся в область. Соколова считала, что на прежнее место жительства.

— Считала или видела?

— Сообщение агентуры. После этого подтверждённых наблюдений нет.

В кабинете пахло свежей бумагой. За день здесь поменяли принтер: прежний оставлял бледную полосу посреди страницы. Зайцев потребовал заменить его после первого неудачного листа. Теперь перед ним лежал отчёт, составители которого позволили себе гораздо большую неточность.

Он перевернул бумагу, нашёл нужную строку и подчеркнул ногтем.

— Человек на записи самостоятельно передвигается. Передаёт материалы. Уходит от наблюдения. Почему у вас написано «нейтрализован»?

— Подразумевается утрата прежних возможностей. Отсутствие связей, личной памяти, доступа к служебным ресурсам…

— Тогда напишите «не имеет пропуска». Это будет точнее.

Репин убрал руки за спину. Он занимал достаточно высокую должность, чтобы другие люди боялись такого его движения, но здесь даже сесть без повторного приглашения было трудно.

На столе лежали четыре фотографии. Разрушенный ангар. Чёрный въезд в карьер. Обгоревший кузов. Деревянный дом, на котором сохранилась табличка с номером.

— Кто последний говорил с Волковым?

— Соколова. Позже — Дроздов. Полной записи второго разговора у нас нет.

— И теперь нет Волкова.

— Его гибель подтверждена.

— Удивительно, как легко вы подтверждаете то, чего уже нельзя изменить.

Зайцев отодвинул фотографии и посмотрел на часы. Часы торопились на четыре минуты. Он знал об этом, но не переводил: в течение дня эти четыре минуты давали ему ощущение небольшого запаса.

— Что именно ушло в редакцию?

Репин открыл другую папку.

— Фрагмент встречи с Волковым. Выписки по четыреста сорок седьмому контракту. Разговор Соколовой. Набор документов, объединённый под названием «Меркурий». Получатель подтвердил доставку, но публикации ещё нет. Проверяют.

— Оригиналы?

— Копии. По крайней мере, судя по тому, что удалось увидеть.

— А остальное?

— Неизвестно.

Он встал и подошёл к окну. На противоположной стороне проспекта вытянулась очередь к театральным кассам. Люди стояли под мокрым снегом, прижимая к ушам телефоны, прикрывая от воды распечатки. Несколько лет назад он купил там билеты жене. В антракте она спросила, слушает ли он музыку или всё ещё обдумывает утреннее совещание. Он соврал, что слушает.

Теперь совещание опять не заканчивалось.

— Нам прислали проект ориентировки, — сказал Репин. — Можно запускать после согласования формулировок.

Зайцев вернулся к столу. Взял первый лист.

В нём Ратмир Александрович Дроздов разыскивался по подозрению в убийствах, незаконном обороте оружия и нападениях на охраняемые объекты. Следующая фраза рекомендовала считать любые сведения, сообщаемые им о своей службе, недостоверными.

Эту фразу Зайцев вычеркнул.

— Не надо объяснять людям, чему именно нельзя верить. Они заинтересуются.

— Тогда как?

— Оставьте здоровье. Последствия травмы. Агрессивность. Склонность выдавать себя за действующего сотрудника. Тот, кто столкнётся с ним, должен думать о собственной безопасности.

Репин взял лист.

— В медицинской части есть несогласованные сведения.

— Согласуйте.

— Не все врачи подтвердят.

— Я не прошу врачей. Я прошу подготовить ориентировку.

Репин помолчал. Он сглотнул.

— Протокол «Дезертир», — сказал полковник. — В рамках «Белого шума».

— Названия оставьте для своих людей. На общие совещания это не выносить.

Зайцев подписал два других документа: о внеочередной проверке подрядчика и о временном ограничении доступа к части архива. Подпись получилась ровной. Эти бумаги можно было показать любому контролёру: государство защищало собственные материалы после утечки. Что происходило под их прикрытием, на бумаге не отражалось.

— Соколова? — спросил Репин.

— Отстранить от самостоятельного поиска. Пусть сдаст служебный аппарат и все копии.

— Она лучше остальных знает Дроздова.

— Поэтому пусть объяснит, почему не знала, что он станет делать.

— Если она попробует договориться с ним?

Зайцев посмотрел на полковника.

— Сообщите мне до встречи. Не после.

Репин закрыл папку, но с места не двинулся.

— Остался вопрос по резервному объекту.

— Какой?

— Подрядчик просит разрешения на вывод оборудования. Срок хранения по ведомости закончился. Подписи нужны от двух лиц, одно из которых числится погибшим.

Зайцев перестал перекладывать листы.

— Кто составил запрос?

— Нижнее звено. Плановая инвентаризация. Номер есть в приложении.

Полковник хотел раскрыть папку вновь, но Зайцев остановил его.

— Сейчас приложение не нужно. Проверьте человека, который обслуживал запись команд перед «Перевалом».

— В каком статусе проверить?

— В живом.

Репин не сразу понял, шутка ли это. Затем заметил, что начальник смотрит на него совершенно серьёзно.

— В старом деле указан пожар.

— В старом деле много чего указано. Мне нужен результат нынешней проверки.

— Дроздов знает об этом человеке?

— Возможно.

— Приоритет — он или носитель?

Зайцев медленно положил ручку на стол.

— Носитель можно объявить смонтированным. С человеком сложнее.

Репин взял второй, пустой лист. Не записал имя — ему его не назвали. Поставил сверху одно слово: «Свидетель».

— Если найдём?

— Сначала доложите. Никаких самостоятельных решений.

Полковник кивнул и вышел.

Через минуту на столе загорелся экран закрытого телефона. Сообщение было коротким: «Группа готова. Ждём подтверждения».

Зайцев набрал: «Поиск. Без шума».

Подумал, стёр последнюю часть и оставил только первое слово.

Он ещё раз включил запись. Человек выбирался из коллектора, падал, поднимался. Внизу бежала дата. Раз за разом одна и та же правая рука не выдерживала тяжести тела.

Теперь Зайцев смотрел не на лицо. На настойчивое, нелепое движение: тот всё-таки вставал.

В коридоре хлопнула дверь, и чиновник погасил экран, словно его застали за чем-то личным.

Глава 1

Часть I
Человек, которого нет

Глава 1. Ориентировка

Дождь в Москве был другим. Он не хлестал, не выл в трубах. Он моросил, настырный и холодный, превращая асфальт в чёрное зеркало, в котором тонули отражения фонарей и спешащих ног. Ратмир стоял под ржавым козырьком остановки в промзоне, втянув голову в плечи, и чувствовал себя пришельцем.

Его тело, помнящее сырую хвою леса и запах печной золы, бунтовало против этой химической вони выхлопов, бетона и чужих потов. Рука в самодельной повязке ныла тупым, знакомым огнём. Но боль была якорем. Она напоминала: ты жив. Пока жив.

Из Москвы он прежде помнил только вокзал. Плоскую коробку под потолком, в которой что-то щёлкало перед объявлением, и человека, переворачивавшего газетную страницу с помощью мокрого пальца. Воспоминание ничем не помогало. На нынешнем вокзале газеты не читали. У всех были экраны, и каждый экран мог показать его лицо.

Он поправил ремень сумки левой рукой. Внутри лежал разблокированный планшет, обёрнутый в старое полотенце; флешку с копией он держал отдельно. Ещё там были рубашка, которую не успел постирать, деньги и сложенная вчетверо фотография группы у бронетранспортёра. Всё остальное осталось в доме.

Перед отъездом из Заовражья он вычистил печь. Это заняло больше времени, чем требовалось: головешки никак не хотели остывать, а пересыпать горячую золу в деревянный ящик было нельзя. Ратмир стоял у открытой дверцы с совком в левой руке и вдруг рассердился на эту задержку. За ним охотились люди, у которых имелись машины, деньги, связь, а он ждал, когда можно будет убрать золу.

Затем понял, что просто не хочет закрывать дом.

На кухонном столе осталось два стакана. Из одного пил он. Второй ставил напротив, когда разговаривал с Мирославом — братом, которого, по всему, что ему было известно, никогда не видел живым. В последние дни стал ловить себя на том, что ждёт ответа прежде, чем произнести вопрос.

— Ты ведь понимаешь, — сказал он пустому стулу, — если я останусь, придут другие.

Стекло отразило жёлтый огонь лампы. Никакого ответа не последовало. Он и не должен был последовать.

Ратмир вымыл оба стакана и поставил их вверх дном на полотенце. Взял один, снова перевернул, потом оставил как было. До чего же странно решать судьбу двух пустых стаканов, когда всё необходимое уже собрано в сумку.

На улице он задержался у яблони. Снег лёг на взрыхлённую землю неровно, словно и под ним оставалась видна свежая могила собаки. Когда копал, он злился и обещал, что найдёт виновного. Теперь, стоя в мокрой темноте, вспомнил другое: как пёс однажды стащил из сеней рабочую рукавицу и уснул, положив на неё морду.

Он пошёл к сараю, снял с гвоздя уцелевшую вторую рукавицу. В сумку не положил. Повесил обратно.

Соседский дом был тёмен. Ратмир давно придумал, что сказать, если кто-нибудь спросит, надолго ли он уезжает. Но никто не спросил. Это оказалось самым тяжёлым.

Калинин. В городе нужно было найти человека с такой фамилией. Имя бывшего следователя и адрес оставил Родионов. Не из порядочности: участковый боялся, что после Волкова начнут убирать его людей. В записке рядом с Артёмом Игоревичем стояли две строки

— домашний адрес и название юридической фирмы. Ратмир не знал, какая из них ещё действовала.

Он проверил дверь, хотя замок едва ли мог кого-нибудь остановить. Потом свернул на дорогу, ведущую мимо старой фермы. Не оглянулся до самого поворота.

У вокзального магазина продавали хлеб, молоко и всякую мелочь для людей, которым предстоит долго ехать. На стекле висела реклама аптечного киоска в соседнем павильоне. Ратмир решил купить воды, затем новые бинты. Правое предплечье тянуло даже тогда, когда он не двигал пальцами.

Первым Ратмира узнал мальчик лет десяти.

Это произошло в магазине у вокзала, между стеллажом с дешёвым кофе и холодильником с молочными продуктами. Мальчик стоял рядом с матерью, держал в руках пакетик сухариков и смотрел на экран телефона. Потом перевёл глаза на Ратмира. Снова на телефон. И ещё раз на мужчину в мокрой куртке, который выбирал бутылку воды.

Ратмир увидел, как изменилось лицо ребёнка. Не страх — удивление от неожиданного совпадения.

— Мам, смотри…

Он не услышал продолжения. Поставил воду на ближайшую полку и направился к выходу так же спокойно, как вошёл. Быстрый шаг привлёк бы внимание. Медленный давал матери время повернуться.

Дверь отозвалась коротким электронным писком. За ней начинался утренний город: мокрый тротуар, маршрутки у бордюра, очередь в киоск с выпечкой. Ратмир дошёл до остановки и только там взглянул назад.

Мать с ребёнком остались в магазине. Но кассирша уже разговаривала по телефону и смотрела в окно.

Его лицо было в новостях.

Он знал, что это произойдёт. Знал с того момента, как отправил документы в редакцию. Но между знанием и тем, чтобы увидеть, как ребёнок сравнивает твоё лицо с ориентировкой, лежало расстояние, которое нельзя просчитать заранее.

За стеклом киоска на противоположной стороне улицы работал телевизор. В утреннем выпуске новостей появились три фотографии: паспортная, снимок в форме и плохой кадр с камеры наблюдения. Под ними бежала строка: «ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ПРОСЯТ О СОДЕЙСТВИИ В РОЗЫСКЕ». Дальше он успел разобрать слова «вооружён», «особо опасен» и свою фамилию.

Ратмир почувствовал почти физическое облегчение, когда вместо фотографий показали рекламу детского питания. Несколько секунд он мог быть просто прохожим.

Он не был уверен, что кассирша звонила именно из-за него. Она могла обсуждать смену, поставку хлеба, больного ребёнка. Ратмир заставил себя сохранить эту возможность. Ещё недавно он уже ошибся, приняв удобное объяснение за единственное. За ошибку заплатили люди, а Багира успела назвать её частью работы.

У автобусной остановки он подождал, пока сядут пассажиры, и остался на тротуаре. За ним никто не вышел. Мужчина с большой сумкой поторопил водителя, автобус отъехал, обдав край куртки грязной водой. Ратмир отступил слишком резко и ударился правой рукой о стекло навеса.

Боль прошла до плеча. Несколько секунд он стоял, прижав сумку к животу, и смотрел на рекламный листок, не различая букв.

— Вам плохо?

Женщина в бордовой куртке держала сложенный зонт. Судя по сумке на колёсиках, тоже куда-то ехала.

— Нет. Ушибся.

— У вас рукав мокрый.

Она хотела взять его за локоть. Он отдёрнулся, и женщина сразу убрала руку.

— Извините, — сказал он. — Давно болит.

— Там травмпункт. Во двор и налево.

— Спасибо.

Она ушла. Ратмир смотрел вслед, пока не понял, что потерял её в потоке. Обычный человек предложил ему помощь, а он едва не ответил как на нападение.

В травмпункт он всё-таки вошёл. В коридоре пахло влажными бахилами. На пластмассовых стульях сидели подросток с пакетом замороженных овощей у щеки, женщина в строительной куртке и старик, придерживавший здоровой рукой распухшее запястье. Над окошком регистратора бежала красная электронная очередь.

Ратмир остановился у стены. До выхода было семь шагов. На потолке камера, на двери кабинет старшего врача. Он успел сосчитать всё это и лишь потом заметил, что никто за ним не наблюдает.

Регистратор подняла голову.

— Травма свежая?

— Несколько дней.

— Что случилось?

Он приготовил объяснение про металлический край листа. Должно было быть достаточно правдоподобно для раны на предплечье, но слова не вышли. Женщина ждала, уже взяв чистый бланк.

За соседней дверью врач сердито говорил кому-то, что самостоятельно вытаскивать осколки не надо. В коридор вышел полицейский с пустым бумажным стаканчиком. Ратмир увидел только форму, и тело само повернулось к выходу.

— Мужчина, — окликнула регистратор. — Вы куда?

— Сумку в машине оставил.

Он не стал ждать ответа.

Снаружи остановился у афишной тумбы. Полицейский за ним не вышел. Наверное, работал по совсем другому поводу: пьяная драка, разбитая челюсть подростка, обычная бумажная рутина. Ратмир ушёл сам. Он мог бы сейчас сидеть перед врачом и рассказывать, где получил ножевую рану, а вместо этого дрожал на холоде и считал, что сумел избежать опасности.

На другом боку тумбы висело объявление о пропавшей кошке. На снимке животное лежало в детской коляске, нелепо вытянув лапы. Под фотографией хозяева написали: «Очень боится улицы».

Ратмир неожиданно подумал, что примерно так выглядит его собственная ориентировка, если убрать из неё оружие и обвинения.

Он купил в аптеке воду и перевязочные материалы. Фармацевт спросила, нужна ли консультация. На этот раз он не соврал.

— Нужна. Но сейчас не могу.

— Тогда хотя бы не откладывайте, если станет хуже.

Он кивнул. Она не знала его имени. Для неё он был человеком, которому больно, и Ратмиру хотелось задержаться у окна выдачи ещё на минуту.

К середине дня вода закончилась. Он зашёл в столовую на территории складов, взял суп и два куска хлеба. Пока ждал, заметил, что правой рукой не может ровно держать ложку. Попробовал левой. На стол упала капля, потом ещё одна.

Напротив сидел рабочий в комбинезоне. Он молча подвинул ближе салфетки.

— Спасибо.

— Левая не привыкла? — спросил тот.

Ратмир кивнул.

— У меня после перелома полгода так было. Думал, научусь. Не научился.

Разговор мог на этом закончиться. Но рабочий вынул из кармана пачку сигарет, пересчитал оставшиеся и почему-то продолжил:

— Пораньше лечить надо. Всё кажется, сейчас дело доделаю, потом схожу. А потом врач тебе объясняет, что дело ты мог и без этой руки закончить.

Ратмир сжал ладонь под столом. Пальцы слушались, хотя два последних слегка немели.

— Есть куда идти?

Вопрос был задан без любопытства. Рабочий смотрел в окно, где двое грузчиков пытались закрыть борт машины.

— Есть адрес.

— Адресов много. Я спрашиваю — есть куда?

Ратмир не ответил. Через несколько секунд рабочий поднялся, собрал поднос и вернулся к своей тележке. Больше они не встретились.

Оставшись один, Ратмир достал блокнот. Под фамилией Калинина записал: «Не приводить хвост». Ниже: «Врач». Вторую строку подчеркнул. В юности он, наверное, составил бы длинный план с вариантами, ресурсами и промежуточными целями. Сейчас нужно было прежде всего дотянуть до завтра, не угробив руку и не подставив незнакомого следователя.

Он попытался припомнить, как учился составлять такие планы. Возник стол с зелёным сукном, чужая ладонь, разглаживающая карту, и голос, недовольный его пометками. Чей голос — определить не удалось.

В блокноте осталось ещё одно имя. Мирослав.

Он сам написал его на прошлой неделе, когда расшифровывал доступ к планшету. Имя умершего брата оказалось паролем к уцелевшей части его жизни. Но из этого не следовало, что мёртвый брат что-нибудь создал. Сообщение в старой переписке написал сам Ратмир. Прежний Ратмир. Тот, который знал, куда складывает резервные копии.

Он перевернул страницу прежде, чем знакомое бесплодное размышление захватило его целиком.

Редакция ответила после третьего звонка. Номер общего приёма он нашёл в сохранённом письме, приложенном к квитанции о доставке файлов.

— Я передавал материалы. По контракту четыреста сорок семь дробь Ш, — сказал он.

— Вопрос по публикации?

— По тому, получили ли их.

Девушка попросила подождать. На линии включилась тихая музыка. Через минуту вернулась.

— Получены. С вами должны связаться, если потребуются пояснения.

— Уже требуются. Я могу объяснить, откуда файлы.

— Назовите фамилию.

Ратмир смотрел на окно магазина напротив. Там мужчина прижимал к уху свой телефон и одновременно пытался удержать падающий пакет. Обычное движение, которое у него сейчас не получилось бы.

— Дроздов.

На том конце стало тише.

— Я отмечу.

— Послушайте. Я знаю, что обо мне говорят. Но вы хотя бы посмотрели запись?

— Я принимаю звонки, — ответила девушка. — Материалы смотрит редактор. Я отмечу, что вы звонили.

Она не была ни врагом, ни спасителем. У неё была работа, которую он мешал делать. Ратмир понял это и отступил раньше, чем начал требовать невозможного.

— Хорошо. Спасибо.

После звонка он долго держал телефон в руке. Думал, что почувствует облегчение, узнав о получении. Вместо облегчения появилась злость: они получили доказательства и всё равно продолжали свой обычный день. Ему пришлось напомнить себе, что в письме без автора любой документ мог быть подделкой. Он сам не поверил бы первому встречному, приславшему такую историю.

Это понимание ничего не меняло в боли. Но мешало сделать очередную глупость.

К сумеркам он нашёл ночлег в старой мастерской, закрытой после аварии отопления. Хозяин держал там остатки оборудования и несколько койко-мест для сезонных работников. За деньги, предложенные Ратмиром, согласился пустить его до утра, документов не спросил. Это вовсе не означало, что не спросит позже. Ратмир оставил сумку рядом с собой, не стал раздеваться и выслушал пятнадцатиминутную жалобу на управляющую компанию.

Ему хотелось спать так сильно, что названия труб, задолженностей и актов сливались в одно. Но хозяина он слушал. Пока тот объяснял свои беды, Ратмир оставался постояльцем, человеком с деньгами и усталым лицом. Не фигурантом ориентировки.

Когда дверь закрылась, он проверил, не размокла ли фотография группы. На краю стоял человек, которого он считал своим товарищем. Позади — броня, летняя пыль, неразборчивые лица. Он уже столько раз разглядывал снимок, что перестал замечать новые подробности.

В записке Геннадия был человек, который умел смотреть на то, что другие не замечали. Шерхан. Пока всего лишь прозвище и указание на бывший институт «Гранит».

Сначала Калинин. Если этот след ещё жив, он поможет выйти к людям, способным проверить архив. Если нет — придётся искать человека, которого Геннадий назвал нелюдимым и недоверчивым.

Сирена за окном заставила его сесть на кровати. Машина промчалась мимо. Он ещё

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.